

За неделю до Цинмина Ло Сюнь начал готовиться.

Он спросил дядю Чэня, какие цветы любили Фу Ян и Шэнь Ваньцин. Дядя Чэнь подумал и сказал, что молодой господин Фу Ян любил белые розы, а госпожа Ваньцин — маргаритки. Ло Сюнь запомнил и заранее заказал цветы в магазине.

Потом он перебрал кухонные шкафчики и достал всё для цинтуаней: клейкую рисовую муку, порошок полыни, пасту из красной фасоли и начинку из солёного яичного желтка с мясными хлопьями. Всё по очереди разложил на рабочей поверхности.

Дядя Чэнь стоял в дверях кухни и с некоторым беспокойством смотрел, как он завязывает фартук.

— Молодая госпожа, вы сами хотите делать цинтуани?

— М-м. — Ло Сюнь закатал рукава до локтей, обнажив тонкие запястья. — Хочу сделать немного своими руками и взять с собой.

— Но... вы раньше их готовили?

— Нет, — честно ответил Ло Сюнь и улыбнулся. — Но хочу попробовать.

Дядя Чэнь открыл рот, собираясь что-то сказать, но в конце концов промолчал. Молча отступил в сторону и тоже надел фартук — приготовился в любой момент спасти ситуацию, если у Ло Сюня ничего не получится.

Очень скоро выяснилось, что беспокоился он не зря.

У первой партии цинтуаней тесто получилось слишком толстым, начинки слишком мало, а после варки на пару шарики затвердели, словно зелёные камни. Ло Сюнь откусил один и долго жевал, но так и не смог как следует разжевать.

— Это... для подношения, наверное, не очень подходит? — уныло спросил он.

Дядя Чэнь, сдерживая улыбку, сказал:

— Молодая госпожа, может, я вас научу?

Следующий час дядя Чэнь шаг за шагом учил Ло Сюня делать цинтуани. Сначала тесто: воды нужно чуть больше, месить до гладкости, пока перестанет липнуть к рукам. Начинки должно быть достаточно, но не слишком много, иначе оболочка лопнет при варке на пару. Края нужно

тщательно защипнуть, скатать шарик, положить его на лист и после закипания воды готовить на пару восемь минут.

Ло Сюнь учился очень внимательно. На лбу выступил тонкий слой пота, пальцы были перепачканы зелёным тестом, фартук в муке, а на щеке неизвестно когда появилась полоска фасолевой пасты.

Когда вторая партия цинтуаней была готова, он с тревогой приподнял крышку пароварки.

Зелёные шарики получились ровными, круглыми и упругими, гладкая блестящая поверхность источала характерный аромат полыни. Ло Сюнь взял один палочками, подул, откусил.

Оболочка была мягкой, клейкой и упругой, начинка — ароматной и в меру сладкой.

— Получилось! — глаза Ло Сюня загорелись, он повернулся к дяде Чэню. — Дядя Чэнь! У меня получилось!

Дядя Чэнь посмотрел на муку на кончике его носа и полоску фасолевой пасты на щеке и улыбнулся.

— Молодая госпожа, вы молодец.

Счастливый Ло Сюнь аккуратно разложил цинтуани по тарелкам, один к одному. Он сделал две коробки: одну с пастой из красной фасоли, другую с солёным яичным желтком и мясными хлопьями. Он заранее спросил у дяди Чэня: Фу Ян любил сладкое, а Ваньцин — солёное.

Он осторожно убрал обе коробки в холодильник, ещё раз проверил заказ в цветочном магазине и убедился, что время получения цветов указано правильно.

Потом вернулся в спальню, открыл шкаф и начал выбирать одежду на завтра.

Когда Фу Фэн вошёл, он увидел такую картину: шкаф распахнут настежь, на кровати лежат четыре или пять комплектов, а Ло Сюнь стоит перед полками с двумя куртками в руках и мучительно выбирает между ними.

— Что случилось?

— Думаю, что надеть завтра. — Ло Сюнь поднял обе куртки. — Чёрную или тёмно-серую?

Фу Фэн взглянул на них.

— Любую.

— Как это «любую»?! — Ло Сюнь сразу занервничал. — Я впервые еду почтить память Фу Яна и Ваньцин, нельзя одеваться как попало.

Фу Фэн посмотрел на его серьёзное лицо, уголки губ слегка приподнялись.

— Чёрную. Так формальнее.

Ло Сюнь кивнул, оставил чёрную куртку, а остальное запихнул обратно в шкаф. Потом достал чёрные брюки и белую рубашку и ровно повесил всё на вешалку.

— А обувь? — он присел у шкафа. — Чёрные туфли или тёмно-коричневые?

— Чёрные.

— А носки?

— ...Чёрные подойдут.

Бормоча себе под нос «выбираем всё чёрное, так точно не ошибёшься», Ло Сюнь достал и чёрные носки.

Фу Фэн прислонился к косяку и смотрел, как тот хлопочет, и вдруг ощутил странное чувство нереальности.

Раньше на Цинмин он всегда ездил на кладбище один. Брал цветы, любимые сладости Фу Яна, немного стоял перед надгробием, говорил несколько слов и уезжал.

Иногда он брал Фу Чэнъяня, но малыш был слишком мал и не понимал, что такое смерть. Просто бегал вокруг могилы и подбирал опавшие листья. Фу Фэн никогда не заставлял его ничего делать и почти ничего не рассказывал о Фу Яне и Ваньцин. Ему казалось, что когда ребёнок подрастёт, всё поймёт сам.

Но в этом году всё было иначе.

В этом году рядом был человек, который волновался ещё сильнее него и относился ко всему ещё серьёзнее. За неделю начал готовиться, учился делать цинтуани, заказал цветы, подбирал одежду. Словно они ехали не к двум холодным надгробиям, а на встречу с двумя очень важными людьми.

Глядя на его суету, Фу Фэн почувствовал, как сердце наполняется теплом.

— Ло Сюнь, — вдруг позвал он.

— М-м? — Ло Сюнь поднял голову, всё ещё с серьёзным выражением лица.

— Тебе не нужно так нервничать. Фу Ян и Ваньцин были бы очень рады, что ты так стараешься.

— Фу Фэн подошёл и мягко погладил его по голове.

Ло Сюнь на мгновение замер, а потом улыбнулся.

— Я просто хочу, чтобы они знали: они мне небезразличны.

Фу Фэн посмотрел на него с нежностью.

— Я знаю. Ты уже всё делаешь правильно.

Щёки Ло Сюня слегка порозовели. Он поднялся и ещё раз поправил одежду на вешалке.

— Надеюсь, завтра всё пройдёт хорошо.

Фу Фэн кивнул.

— Пройдёт. Я буду рядом, тебе нечего бояться.

Уши Ло Сюня снова покраснели. Он опустил голову и тихо пробормотал:

— Ты правда умеешь говорить такие вещи.

Фу Фэн тихо рассмеялся.

— Хватит возиться. Завтра рано вставать, ложись спать.

Ло Сюнь кивнул и послушно забрался в кровать.

Фу Фэн выключил свет и лёг рядом.

В темноте снова раздался голос Ло Сюня.

— Фу Фэн.

— М-м?

— Завтра... мне нужно что-нибудь говорить? Когда мы придём к могилам, что мне сказать?

— Что захочешь.

— А если скажу что-нибудь не то?

— Не скажешь.

— Почему ты так уверен?

Фу Фэн немного помолчал.

— Потому что ты говоришь от сердца. А слова от сердца не бывают неправильными.

Под одеялом Ло Сюнь поджал пальцы ног и уткнулся лицом в подушку.

— Спи уже, — глухо сказал он. — И больше не разговаривай.

Фу Фэн тихо рассмеялся и действительно замолчал.

Через некоторое время рука Ло Сюня выскользнула из-под одеяла, нащупала руку Фу Фэна и переплела с ней пальцы.

Фу Фэн сжал их в ответ.

Так, держась за руки, они тихо уснули в темноте.

<http://bllate.org/book/23946/2744708>